

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камени скочила на лютого на змея -
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просвета светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколебалося
Для-ради рожденья богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не в поясай в поесья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,

А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
В та поры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-та мудрости учился он, Волх,
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-та мудрости-то учился Волх,
Обвертываться гнедым туром – золотые рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх он дружину прибирать:
Дружину прибирал в три года,
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Волх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейский царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розорить.
А в та поры Волх, он догадлив был:
Со всею дружиною хораброю

Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы – любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезговал;
Волх поил-кормил дружину хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцев,
– Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые:
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей.
А и серым, малым уткам спуску нет;
А поил, кормил дружинишку хоробрую,
А всё у него были ества переменные,
– Переменные ества сахарные.
А стал он, Волх, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас – семь тысячей.
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травой пристилается,
А вся его дружина приклоняется,

Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас такого молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич,
Он обвернулся гнедым туром – золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первый скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти.
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому,
И будет он во царстве Индейском,
И сел он в палаты белокаменны,
На те на палаты царские,
Ко тому царю Индейскому
И на то окошечко косящатое.
А и буйны ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит;
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славный Индейский царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь:
А на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе, царю, сопротивничек».
А в та поры, Волх, он догадлив был!
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то-де речи повыслушал;
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем высоким теремам.
У тугих луков тетивки накусывал,

У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А всё он в землю закапывал.
Обвернется Волх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Волх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцев:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать:
Пойдем мы ко царству Индейскому».
И пришли они ко стене белокаменной;
Крепка стена белокаменна.
Ворота у города железные,
Крюки, засовы всё медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня – дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезу мурашу пройти.
И все молодцы закручинились,
Закручинились и запечалились,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасные!
А и как нам будет стену пройти?»
Молоды Волх, он догадлив был:
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейском;

Всех обвернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною.
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена;
Оставьте только вы по выбору,
Ни много ни мало – семь тысячей
Душечки красны девицы».

А и ходит его дружина по царству Индейскому,
А и рубит старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он, Волх, во палаты пошел,
Во те палаты царские,
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железные,
Крюки, пробой по булату злачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железные –
Изломал все пробой булатные.
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей, не бьют, не казнят».
Ухватя его, ударил о кирпичатый пол,
Расшиб его в крохи г...
И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А молодую Елену Александровну,

А и та его дружина хоробрая
И на тех девицах переженилися;
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.